

Андрей Дашков

Мифотворец

Я, конечно, и раньше знал, что Леонардо — большой оригинал, но, оказавшись перед его экраном, спросил себя, не слишком ли долго старик играет в свои игры, чтобы сохранить здравый рассудок. Пусть ты законченный инди и не испытываешь естественной тяги к слиянию, пусть ты предпочитаешь чаще быть мясом со всеми вытекающими последствиями и тебя практически невозможно застать в незапятнанной чистоте вибро — но зачем превращать свой энергетический экран в глухую серую стену с единственной красной дверью, к которой ведет дорога, вымощенная желтым кирпичом? Анекдот, да и только. Правда, смеяться мне не хотелось. Леонардо был известен не только своим пристрастием к доброй старой материи и ретропостановкам. Некоторые его «забавы» на поверку оказывались не столь уж безобидными.

На выходе из вибро я обнаружил, что воплотился в высокого и массивного тридцатипятилетнего мужика с квадратной челюстью, стрижкой «полубокс», перебитым носом и вдобавок с кулаками (да и рефлексам), готовыми к грязной работе. Темный костюм был словно

позаимствован из гардероба владельца похоронного бюро, хотя сидел отлично, да и ассоциации вызывал не совсем уж случайные. Честно говоря, будь моя воля, я выбрал бы для себя что-нибудь более утонченное, но я стараюсь свято соблюдать элементарное правило «не лезь за чужой экран со своим мясом», как, впрочем, и другие общепринятые нормы вежливости. Если Леонардо хочется видеть меня таким — его право; в конце концов, он у себя дома. Предвкушая будущую месть, я позволил себе уделить пару секунд обдумыванию того, в кого воплещу старика, когда он пожалует ко мне в гости. Пару секунд, не более. Потом понял, что вряд ли когда-нибудь дождусь этого. Лео крайне редко вылезает из своего угла.

Стена тянулась вверх и в стороны сколько хватало глаз, а глаза мне достались зоркие. Только дверь нарушала серое однообразие. На ней висел молоток (Леонардо, пощади!), которым я и воспользовался, обрушив его на бронзовый диск, заделанный в дверь на уровне моего плеча.

Достаточно долго ничего не происходило, и я лишний раз отметил про себя, как много времени в мясном мире тратится напрасно. Наконец раздался лязг отпираемого замка (стального замка, о господи!), дверь приоткрылась и в проеме возникла костлявая и холодная физиономия дворецкого, упакованного в черный костюм без единой

пылинки. Как ни крути, парень являлся аватарой Лео, тем не менее он воззрился на меня так, словно я был коммивояжером, постучавшимся в дверь с надписью «Мы ничего не покупаем».

— Что вам угодно? — осведомилась эта игривая часть Леонардо, издавая звуки в тональности брезгливого кастрата.

Пришлось принять игру.

— К хозяину, — буркнул я. — Мне назначено.

У меня оказался грубый низкий голос, вполне соответствующий внешности.

Дворецкий уныло кивнул в знак того, что мои аргументы неотразимы, и посторонился, впуская меня во владения «хозяина». За стеной был мирок, очевидно, обустроенный Леонардо по своему вкусу и в свое удовольствие. Стоило переступить порог, и воздух наполнился ароматами цветущего сада. Небо было пронзительно синим; медленно плывущие облака напоминали лебедей; поросший изумрудной травой пологий склон поднимался к дому с терракотовыми стенами. Лео не забыл и об озере, посреди которого виднелся домик на сваях. К домику тянулась дорожка их плоских камней, паривших над водой. Насколько я успел заметить, на камнях — по крайней мере на некоторых — были высечены иероглифы.

Попирая траву туфлями ручной работы, я направился к дому. Дворецкий семенил следом,

готовый скорректировать мой курс в случае непредвиденных отклонений. Я пока не видел, ради чего отклоняться. Меня давно уже не прельщали красоты и удовольствия вещественного мира. Так давно, что я начал забывать, каково это — быть мясом. А сейчас вспомнил, ощутив резь в мочевом пузыре.

Щелкнув пальцами, я подозвал к себе дворецкого:

— Туалет. — Разговорчивостью я не отличался.

Дворецкий слегка приподнял бровь, выразив этим свое отношение к несвоевременности моего намерения, однако возразить не посмел и вытянул узкую ладонь в направлении левого крыла дома. Туда я и проследовал, теряясь в догадках, зачем Лео понадобился весь этот нелепый спектакль. Нельзя же, в самом деле, так любить игру ради самой игры.

Унитаз во владениях Леонардо оказался золотым. Мне понадобилось напрячь воображение, чтобы сделать правильный выбор между ним и находившимся поблизости серебряным биде. Какая тонкая проверка!

Наконец я был готов к разговору. Дворецкий проводил меня в большой полутемный зал — что-то среднее между библиотекой и лабораторией, — полный не только отпечатанных на бумаге книг, но и всевозможных карт, сосудов,

приборов, от химических до астрономических. Посреди этого антикварного великолепия восседал Леонардо.

Помнится, в последний раз, когда я видел его, так сказать, во плоти, он был пышнотелой дамой, а сейчас пожелал принять облик почтенного длиннородого старца с широким, изборожденным морщинами лбом, печальными глазами и нестареющими руками художника, которыми он постоянно массировал комок глины размером с теннисный мячик.

— Спасибо, что отозвался, мой мальчик, — проговорил он усталым голосом человека, который редко посылает приглашения, но, если уж посылает, то обычно никто не отказывается. — Проходи, присаживайся.

К тому моменту дворецкий благополучно исчез. Я выбрал кресло, обтянутое чьей-то татуированной кожей, уселся и приготовился внимать. Леонардо стóит послушать, даже если у него не все дома. В конце концов, информация остается информацией; находясь в вибро, очень легко выделить ее из интерпретаций.

— Сразу перейду к делу, — сказал Леонардо, — поскольку время не ждет. (Ого, с каких это пор мы озабочены временем?) Мне нужна твоя помощь в устранении одной деликатной проблемы. Точнее, не помощь; я хочу, чтобы ты

занялся этой проблемой вплотную.

Я молчал. Он погладил окладистую бороду и так перешел к делу:

— Ты знал моего сына?

— Я даже не знал, что у тебя есть... сын. — Я надеялся, что произнес это слово без заметного отвращения. Оно вызывало у меня ассоциации с животной возней на сеновале, зверем о четырех ногах и двух головах, содроганиями плоти, тяготами беременности, муками родов, бессмысленной пустотой младенчества, всеми страданиями слишком короткой жизни и — куда денешься — с неизбежной смертью. А может, я просто не хотел вспоминать Саваофа. В общем, достаточно причин, чтобы держаться подальше от размножающегося мяса. Но Леонардо, по-видимому, считал иначе.

— Тебе этого не понять, — сказал он высокомерно. — Ты не художник и не можешь оценить красоту, спустившуюся на землю с небес, где она существовала только в виде идеальных образов и грезящих ангелов...

Должно быть, я все-таки не уследил за своим новым лицом и поморщился. Лео это заметил, и ему это не понравилось.

— Что кривишься? Думаешь, старик выжил из ума, впал в маразм, позвал меня, чтобы прочесть лекцию о красоте? Ладно, черт с тобой, думай, что

хочешь. В общем, мой сын — это плод большой и искренней любви, мало кому ведомой в этом вашем вибро. (Я отметил про себя «ваше вибро» — вот до чего доводит крайний индивидуализм). Как положено, он родился через девять месяцев — конечно, родился мясом. И я оставил его там, на Земле, с матерью. Время от времени навещал под видом старого бродяги, болтал, помогал советами — и должен тебе сказать, у мальчишки было золотое сердце. Его матери пришлось несладко, да и мне тоже. Знаешь, нет ничего хуже, чем видеть, как увядает любимая женщина. А-а! — Он раздраженно махнул рукой и повторил: — Тебе этого не понять. Короче говоря, до тридцати лет все шло как обычно: он мужал, она старела, я приходил все реже, потому что, вообще-то, мне полагалось давно умереть. И все закончилось бы как обычно — еще лет тридцать спустя, — если бы моему сынку не взбрело в голову поиграть в мессию. Ну, ты знаешь, как это бывает — молодость, ума мало, энергии много, а мясной мир ужасно несовершенен. Достаточно увидеть прокаженного, несправедливую казнь, мертвеца и старика вроде меня — и начинаешь задавать себе вечные вопросы. Но я и с себя вину не снимаю — это все мои проклятые эманации. Без них парень, может, так и остался бы простым миллионером.

Я чуть было не совершил очередную

оплошность и не зевнул во весь рот. Пока что рассказ Леонардо вызывал у меня только скуку. Когда он говорил «знаешь, как это бывает», хотелось ответить: «Да знаю я, знаю». Еще бы мне не знать. Сам когда-то баловался чем-то вроде этого. Действительно, трудно справиться с искушением, когда эти бедолаги, рожденные мясом и обреченные умереть мясом — то есть очень скоро и очень болезненно, — взывают к тебе, просят тебя о помощи и заступничестве, а если и не просят, то приписывают тебе авторство многих своих бед и проблем. Насколько я помню, они называли меня Самаэлем...

— Ну а я-то здесь при чем? — Мне пришлось вернуть старика и вернуться самому из глубокой долины воспоминаний на плато неутешительной реальности.

— При чем здесь ты? — переспросил он, словно прогоняя какое-то видение. — А вот при чем. Они убили его. Эти твари убили моего мальчика.

Я пожал плечами. Да, довольно часто такая неприятность случается со «спасителями». Ничего не попишешь, профессиональный риск. Мясо ужасно, непередаваемо, невыносимо неблагодарно! Но, честно говоря, даже если так, я не видел большой проблемы. Со своими-то возможностями Лео стоило только пошевелить пальцем, чтобы

реанимировать беднягу и пристроить куда-нибудь в санаторий для бывших бунтарей и ниспровергателей основ. Насколько я помню, после достижения примерно сорокалетнего возраста желание спасти кого-либо, кроме себя, пропадает начисто.

Леонардо, должно быть, прочел все это на моем лице. А может, где-нибудь еще — ведь он был у себя дома.

— Да, я хотел воскресить его, но...

— Но?

— Тело исчезло. Кто-то украл тело. С тех пор прошло достаточно времени, чтобы плоть полностью разложилась. Моему мальчику уже не воскреснуть, кто-то лишил его этой возможности. И я хочу, чтобы ты нашел и наказал этих ублюдков.

— Что значит «наказал»?

— Это значит — убил! — Леонардо вышел из себя, причем в буквальном смысле слова. Я вдруг увидел, как старик застыл в своем кресле, а позади его окаменевшей фигуры появилось что-то гораздо менее плотное, похожее на танцующую золотистую пыль. Потом у сидящей аватары отвалилась челюсть, и раздался утробный голос, радикально отличавшийся от того полусшепота, которым Лео разговаривал со мной раньше: — И лишил их возможности воскреснуть... Всех причастных... А также сообщил мне, кто стоит за мясом, убившим

моего сына... если выяснится, что за мясом кто-то стоит!

Я предпочел бы не дразнить его и дальше, но кое-что оставалось непроясненным.

— У меня только один вопрос. Почему бы тебе самому не сделать это?

— Хороший вопрос, — сказал старик, немного успокоившись и вернувшись в себя. — Хороший, прямой и тупой. Именно такой, какой может задать Самаэль... — И вдруг гаркнул: — Потому, жить тебе в аду, что каждый должен заниматься своим делом!!!

* * *

Значит, каждый должен заниматься своим делом? Старый лицемер. Если бы он думал об этом, когда засовывал свои «эманации» в самку человека, сейчас у меня было бы меньше грязной работы.

После безвременья, проведенного в океане астральной любви, я почти позабыл, как быстро все меняется здесь, внизу. И я не стал бы утверждать, что меняется к лучшему. Перемены не то чтобы настораживали, но настраивали на особый лад. Я понял, что будет трудно, гораздо труднее, чем прежде. От подавляющего большинства двуногих старым религиозным духом даже не пахло, а новый запах был каким-то подозрительным, исходил не

вполне оттуда, откуда раньше, и сильно напоминал духи дешевой проститутки.

Но не будем спешить с выводами. Еще со времен своей добровольной «миссии» я усвоил, что, когда имеешь дело с мясом, нет ничего прочного, истинного и постоянного, грех и святость, грязь или невинность можно отыскать в самых неподходящих для этого местах, доверять нельзя даже самому себе, а любовь и ненависть ходят рука об руку.

Итак, с чего бы начать свое *нисхождение* ? Да все с того же. Меняется мир; методы не меняются. Уже достаточно давно я вывел для себя следующую формулу: всеведение без всемогущества обрекает на недеяние; всемогущество без всеведения обрекает на бандитизм. (Добавлю в скобках: всеведение плюс всемогущество — это уже диагноз).

Кажется, какой-то гангстер со Старой Земли сказал: «С помощью доброго слова и револьвера вы можете добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом». Верно подмечено. Добрых слов в любом человеческом языке не так уж много, и они быстро заканчиваются. Патронов (образно выражаясь) гораздо больше. А учитывая мою способность к синтезу — неограниченное количество.

Свой мясной имидж я сохранил, решив, что эскиз от такого мастера, как Леонардо, вполне

заслуживает ношения и, главное, соответствует предстоящей работе. Правда, пришлось подогнать костюм и оружие под эпоху, а также проработать физиологические детали, которыми гений пренебрег то ли ввиду занятости, то ли пребывая в расстроенных чувствах.

Кроме того, он не посвятил меня в подробности истории, приключившейся с его... ну, вы поняли. А подробности оказались такими, что могли окончательно отравить мое пребывание в юдоли скорбей. Стало ясно: предстоит не просто ковыряться в дерьме, но еще и делать это долго и кропотливо.

Справедливости ради надо сказать, что были и хорошие новости. Призрак нового варварства бродил по Европе, а для меня это отрадное зрелище. Слишком уж зарвались человечки предыдущего эона; гордились информационными сетями, насиловали природу во все отверстия и насиловали собственное естество; тупым стадом тащились по дороге в ад, некоторые добирались первыми, ненадолго возвращались назад и рассказывали, что к чему, однако это никого не испугало...

Я стоял посреди базара — на удивление тихого. Это был верный признак того, что пар на исходе. Торговля угасала; насколько я успел заметить, преобладал натуральный обмен. Вдруг я

увидел, что меня манит к себе грязным корявым пальцем какой-то нищий, просивший подаяние между лавками молочника и мясника. На нем были самодельные темные очки из проволоки и осколков закопченного стекла. Я сомневался, что он слепой, пока не подошел, не снял с него очки и не увидел пустоту в глазницах.

— Самаэль! — прошептал он радостно. — Ты пришел покарать их?

Мне это не понравилось. Свою теперешнюю работу я предпочел бы выполнять без огласки — по крайней мере на данном этапе. Единственное, что утешало, — больше никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Только мясник смотрел с вялым неудовольствием: дескать, что ты, сука, товар загораживаешь? Давай нищему монету и отваливай!

Пришлось присесть и спросить в самое ухо:

— Откуда ты знаешь, что это я?

— Ты, ты! Я чувствую твой огонь. Ты горячий, как молния. Ты светишь в моей темноте — первый свет, что я вижу за много лет! Значит, пророчество сбывается. Испепели их всех!

Многовато поручений для одного дня, вы не находите? Мне тоже так показалось. И еще эта болтовня о пророчестве. Молва иногда помогает, а иногда мешает — причем как хорошая, так и дурная. В любом случае имелся повод

познакомиться с нищим поближе. Собственно, в том, что так заговорил первый же встреченный мной убогий, не было ничего удивительного. Совпадения все еще случаются. Иногда третий глаз открывается взамен двух утраченных. Да и я, честно говоря, был особенным мясом на тонкий нюх.

— Пойдем со мной, — сказал я все так же тихо.

— Куда? — Этого он, похоже, не ожидал. И слегка струхнул.

— В какое-нибудь тихое место. Расскажешь мне о пророчестве.

Его энтузиазм начисто пропал.

— Ну что ты? — сказал я ласково. — А как же свет в твоей темноте?

— Ты... — залепетал он, — ты слишком близко. Мне душно... Изыди!.. Задыхаюсь...

Он и впрямь провел своими когтями по горлу, до крови раздирая кожу. Хороший артист? Вряд ли, хотя не исключено. Так часто бывает с ними: зывают к нам о помощи и заступничестве, но не переносят нашей близости, если каким-то чудом кто-нибудь является по вызову.

Он мне надоел. Пришлось заставить его подняться и на некоторое время заклеить ему пасть, чтобы не орал. Я уже не впервые видел, как плачут, когда плакать нечем. Смотрел бы и смотрел, но